

—

Лу Юй в итоге так и не получил разрешения войти в комнату. Он с тоской смотрел, как дверь Мин Яня безжалостно закрывается прямо перед ним, и уныло отправился в свою комнату спать.

Лежа на двухметровой кровати, он не мог найти удобного положения. Если лечь поперёк, то нет изголовья, и кажется, что из-под кровати вылезет призрачная лапа и схватит его за волосы. Если лечь вдоль, то чувствуешь себя несчастным: такая широкая двуспальная кровать, а спишь один, женился впустую.

В эту полночь десяти лет спустя Лу Юй наконец понял истинный смысл слов писателя Лу Синя: «Лежу, ворочаюсь, уснуть не могу».

Он решил последовать примеру классика и встать, чтобы прогуляться.

Он думал, что закроет глаза, откроет, и станет генеральным директором, женится на богатом красавчике, и достигнет вершины жизни. А в итоге: стал генеральным директором, но компания на грани краха; женился на богатом красавчике, но это брак по соглашению, и за три года он даже кусочка мяса не попробовал; что же до вершины жизни...

Лу Юй вошёл в кабинет — комнату, в которой он очнулся после перемещения.

Свет в комнате автоматически включился, как только он вошёл. Две полосы прожекторов освещали книжные полки, уходящие прямо в потолок. На высоких полках была установлена скользящая деревянная лестница — дорого и старомодно. Именно так он представлял себе свой идеальный кабинет, но, вопреки ожиданиям, стены не были забиты редкими книгами в твёрдом переплёте. Две стороны книжных шкафов были закрыты непрозрачными чехлами.

Лу Дундун подлетел, быстро виляя хвостом: «Папа, скажи: 'Дундун, пожалуйста, открой чехлы'. Быстрее, говори, говори».

У Лу Юя дёрнулся уголок рта, и он беспомощно подыграл: «Дундун, пожалуйста, открой чехлы».

Шар-русалка тут же перестал вилять хвостом и, притворившись настоящим ИП, выпрямился в воздухе, его глаза опустели: «Хорошо».

Чехлы перед ним быстро опустились, как футуристические световые щиты, мгновенно открыв истинный вид всей книжной полки.

И тут он увидел целую стену, уставленную клавиатурами!

«Надо же, сколько денег», — Лу Юй слегка удивился и не удержался от ворчания. — «Тут можно целый музей клавиатур открыть».

Все клавиатуры стояли вертикально на витринах, самых разных стилей, красные, оранжевые, жёлтые, зелёные. Все они выглядели как кастомные модели. Лу Юй взял одну наугад, чуть не уронив её из-за тяжёлого металла. Гальванизированный корпус переливался под прожекторами, как неон в киберпанк-мире — дорого и убого.

Он постучал четырьмя пальцами: ход клавиш был плавным, звук осей — чистым и хрустящим. Звук каждой клавиши был одинаковым, без каких-либо посторонних шумов. Можно было представить, что при быстрой печати этот стук превратится в приятный белый шум, и ему больше не придётся слушать, как сосед по комнате умоляет его сменить клавиатуру.

Лу Юй усмехнулся и бросил эту огромную металлическую «музыкальную шкатулку» обратно на полку: «У плохих учеников много письменных принадлежностей. Лу Даюй — настоящий бесполезный человек».

Он повернулся к другой стене и краем глаза заметил шар Лаоэр, выглядывающий из-за двери.

Лу Юй ухмыльнулся и серьёзно сказал: «Цяньцянь, пожалуйста, открой чехлы».

Шэнь Байшуй тут же выскочил и сердито возразил: «Сколько раз говорить, я не Цяньцянь! И я ИП Мин Яня, у тебя нет разрешения мной командовать».

Лу Юй приподнял бровь: «Ладно, Сяобай, пожалуйста, открой чехлы».

Шар-президент вытянулся по стойке смирно: «Хорошо».

И чехлы на этой книжной полке опустились тем же образом.

Он угадал. Если ИП-помощники станут продуктом, клиентам, конечно, нельзя будет называть их полным именем, это звучит глупо. Значит, у ИП должен быть какой-то никнейм, вроде «Сяо Ай» или «Сяо Ду». У Лу Дундуна это Дундун, а у Шэнь Байшуя, должно быть, Сяобай.

Шэнь Байшуй, скрестив руки на груди, усмехнулся: «Ха, такой же низкий, как и Лу Даюй».

Шар-русал подлетел и пнул брата хвостом.

Шар-президент врезался в ответ: «Разве я не прав? Это всего лишь брак по соглашению, а у него хватает наглости использовать партнёрский доступ, чтобы открыть ИП Мин Яня».

«А я что, сказал что-то? У папочки тоже есть право мной командовать».

Два маленьких шара начали спорить, переходя в режим дебатов.

Лу Юй не обращал на них внимания, поднял взгляд и стал рассматривать эту полку. Здесь действительно были книги, но большинство из них были написаны самим Лу Юем.

Судя по всему, за эти годы он закончил всего три длинных романа, но каждый из них был объёмом не менее трёх миллионов иероглифов.

Он медленно провёл пальцами по корешкам, читая названия.

Первая книга, «Король Русалок», не требовала пояснений; она была издана в нескольких бумажных версиях, и вся эта полка была заполнена ими. Помимо изданий на китайском, были версии на английском, русском, французском и тайском языках. Вероятно, из-за того, что в основе сюжета лежит подобие мифов Ктулху, иностранцам было легче её принять.

Вторая книга, «Золотой Дом», — та самая, о Шэнь Байшуе. Обложка была роскошной, сразу видно, что богатая. Рядом стояла фигурка Шэнь Байшуя: президент сидит на диване и покачивает бокалом красного вина.

Последняя книга называлась «Стреляя в Небесного Волка», это был роман в древнем сеттинге. Лу Юй вытащил первый том и стал листать. Книга была изящно оформлена в старинном переплёте, её можно было раскрыть полностью.

Главного героя звали Хуа Вэньюань, он был молодым генералом, жившим в смутное время, когда династия была на грани краха. В качестве предисловия была строка из древнего стихотворения:

[Взяв изогнутый лук, как полную луну, посмотри на северо-запад, и стреляй в Небесного Волка.]

Помимо его собственных книг и некоторых классических произведений, на полке стоял ряд трофеев. Лу Юй узнал только один: «Король Новичков», вручённый сайтом в тот год, когда он только написал «Короля Русалок». Трофеем представлял собой приземистый хрустальный скипетр с семью большими иероглифами: «Король Новичков — Рыба, Вытянутая Из Сухой Земли» — это было пошло и ребячливо.

«Рыба, Вытянутая Из Сухой Земли» — это был псевдоним Лу Юя.

Остальные трофеи Лу Юй никогда не видел: были от сайта, от других организаций и даже из игровой индустрии.

Шэнь Байшуй своевременно появился, указывая на игровой трофей и хвастаясь: «Это мой трофей. 'Золотой Дом' превратили в игру, которая принесла столько денег, что ты достиг своей первой 'маленькой цели' в жизни. Теперь ты знаешь, кто является источником дохода в этом доме? Я, Президент Шэнь, — основа этого дома, и вы все должны меня слушать».

Лу Юй небрежно кивнул: «Да-да-да, слушаемся». Затем он повернулся к письменному столу, включил компьютер, чтобы посмотреть, не оставил ли Лу Даюй ему каких-либо подсказок.

Хотя ИП-помощники стали широко использоваться, компьютер всё равно оставался незаменимым.

При включении потребовался пароль. Лу Дундун и Шэнь Байшуй подлетели.

Лу Дундун: «Я знаю пароль, спроси меня быстрее».

Шэнь Байшуй: «Попроси меня. Попроси, и я скажу тебе пароль».

Лу Юй взглянул на них обоих, не задумываясь, ввёл свой обычный пароль, который, естественно, подошёл: «Я знаю себя. Я десять лет подряд не меняю пароль».

Рабочий стол был завален беспорядочными набросками, некоторые с названиями файлов, некоторые без. Фоном стоял скриншот из старого фильма, последняя сцена из «Китайской одиссеи»:

Воин Заката и девушка-рыцарь, обнявшись, смотрят на уходящего с посохом Сунь Укуна, и один из них говорит: «Он похож на собаку».

Лу Юй долго смотрел на эту фоновую картинку, не понимая, что хотел сказать Лу Даюй. Он открывал файлы один за другим. Большинство из них были отрывочными записями идей, но многие были бессвязными и нелогичными. Был один довольно большой файл под названием «План по преобразованию Хуа Вэньюаня».

В плане описывалась схема превращения Хуа Вэньюаня, главного героя «Стреляя в Небесного Волка», в персонализированного ИП-помощника, видимо, для продвижения его как нового продукта.

Но, очевидно, это шло не очень хорошо, и Лу Даюй не мог писать. Каждые несколько строк он вставлял фразы:

[Это невозможно переделать. Хуа Вэньюань — древний человек, он не может принять концепцию ИП, но у меня нет других работ.]

Затем снова следовал с трудом написанный план, а через несколько строк он снова сходил с ума, исписав целую страницу:

[Мин Янь, Мин Янь, Мин Янь, Мин Янь...]

Лу Юй почувствовал, что то, что писал Лу Даюй, было сильным ментальным загрязнением. Почитав немного, он почувствовал, что сам сходит с ума.

Сидя за компьютером, перед мерцающим экраном, Лу Юй долго молчал. Он решил выключить компьютер, лечь спать и больше на него не смотреть.

Пусть мир рушится. Независимо от того, какую психическую мутацию пережил Лу Даюй, он-то — не Лу Даюй.

—

На следующий день Лу Юй проснулся, хорошо выспавшись. Тёмные круги под глазами почти исчезли, отёчность лица тоже спала. Весь его вид был бодрым и сияющим, его привлекательность повысилась на один уровень.

Мин Янь, увидев его, удовлетворённо кивнул: «Так уже не страшно, если тебя сфотографируют».

Несмотря на это, Мин Янь посоветовал Лу Юю надеть маску, чтобы его не узнали.

Во-первых, из-за многолетней работы дома Лу Юй стал социофобом, и ему было бы тяжело, если бы журналисты окружили его; во-вторых, нынешний Лу Юй ничего не знает. Если бы журналисты спросили его о чём-то, он не знал бы, что ответить, а ошибка могла бы усугубить ситуацию.

«Чего бояться? Лу Даюй боялся журналистов, а я нет», — Лу Юй расплылся в улыбке и радостно выбрал себе костюм.

Это был его заветный «момент взрослого человека»:

Надеть дорогой костюм, уверенным шагом идти к своей бизнес-империи. Встретить финансовых журналистов, пришедших, чтобы взять интервью и найти недостатки, и лишь слегка улыбнуться, совершенно не паникуя.

Абсолютно не паникующий президент Лу накинул галстук на шею и тут же остолбенел. Ему только что исполнилось восемнадцать, и он не умел завязывать галстук!

Он подтянул концы галстука к горлу и подошёл к Мин Яню, который только что завязал свой галстук: «Янь-гэ, помоги мне, пожалуйста, завязать».

Мин Янь услышал обращение «Янь-гэ», и рука, завязывавшая галстук, дрогнула. Он повернулся к Лу Юю.

Лу Юй, без тёмных кругов под глазами, выглядел чистым и опрятным, а его ясные юношеские глаза... Быть милашкой — это стыдно! Быть милашкой — это особенно стыдно для топа!

Мин Янь взял галстук, умело завязал узел и тихо сказал: «У входа в компанию, вероятно, сидит куча журналистов. Постарайся не отвечать на их вопросы, они просто пришли посмотреть на посмешище».

Лу Юй смотрел на обнажённый участок белоснежной шеи, который открылся, когда Мин Янь наклонил голову: синие вены, красивый кадык — всё было безупречно, искушая злого волка наброситься, сильно укусить и оставить два ряда следов. Проглотив слюну, чтобы облегчить сухость в горле, Лу Юй рассеянно спросил: «На какое посмешище?»

Галстук был завязан. Мин Янь поправил воротник его рубашки и терпеливо объяснил: «Ты стал знаменитым в юности, а затем на пике славы перешёл в самую новую индустрию. Они все не верили в тебя и рады найти подтверждение своим догадкам, надеясь увидеть твой провал».

Лу Юй погладил подбородок. С точки зрения Лу Даюя, это было ужасно: компания столкнулась с трудностями, и срок действия жены подходит к концу. Но с его точки зрения всё было совсем по-другому: «Тогда они будут разочарованы. Даже если выход на биржу провалился, это всё равно компания, которая имеет право на IPO и скоро выйдет на биржу. Я молод, успешен, у меня есть жена, деньги и сын и дочь. Они лопнут от зависти!»

С этими словами он гордо вышел из дома.

Шэнь Байшуй подлетел к Мин Яню: «Его жена и дочь — это не мы ли с тобой?»

Мин Янь снял циферблат ИП и надел на запястье: «Он про тебя говорит».

—

<http://bllate.org/book/12584/1118370>